

Артём Лобчук
Анастасия Сидорочева

ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ

Рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артем Лобчук

Прыжки в высоту. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Лобчук А.

Прыжки в высоту. Рассказы / А. Лобчук — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Сборник коротких новелл соавторов Анастасии Поляковой (Сидорочевой) и Артема Лобчука. Три захватывающих истории о людях, волею судьбы оказавшихся на жизненном перепутье, и об их неожиданном выборе своего пути. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Прыжки в высоту	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Прыжки в высоту

Если честно, я не помню, когда я перестал быть. Сначала появилось вполне обычное для любого не совсем нормального человека моего возраста желание куда-нибудь свалить. Неважно, в другой город, в лес, за границу – куда угодно. Лучше туда, где нет ни одной знакомой рожи. Это пришло во время долговременных попыток стать лучшим во всем: на работе, в учебе, в компании друзей. Знаю лишь, что привычный мир рухнул после того, как сдалась Алена – моя самая лучшая подруга.

Мы с ней жили прыжками в высоту. То есть постоянно доказывали всем вокруг, что каждый из нас смелее, сильнее и лучше, чем большинство, может быть не менее талантливых. И у нас это получалось. У нас вроде как было негласное социалистическое соревнование: кто выше. Мы подстегивали самолюбие друг друга своими успехами и маленькими победами, поиском новых увлечений. Кроме того, она была, несомненно, безумно талантлива. В отличие от других.

В дождливые осенние вечера у нее была своя отдушина, способ борьбы с депрессией. Она садилась за швейную машинку и создавала шикарные наряды для себя, своей маленькой дочери, чей отец оказался одним тех, кто вообще только по биологическому признаку называется мужчиной. И в один из таких вечеров, когда с незастекленного балкона через щели в окнах тянет сыростью и безысходностью, она, раскраивая очередное платье для дочки, случайно порезалась лезвием. Ей так понравилось это новое ощущение, что она тут же исполосовала себе все запястья, не оставив практически ни миллиметра живого места.

Ее, конечно же, вернули к жизни. Так, как у нас умеют. То есть закрыли в местный диспансер и посадили на антидепрессанты. Вскоре Аленку выпустили. Но после того случая в ней что-то сломалось. Перестала она быть той неунывающей и решительной девчонкой.

Ну, а я стал пить. Один. Раньше мы любили иногда напиваться с ней вместе, а теперь не с кем стало. В общем, не стало у меня стимула. Во-первых, я очень переживал за то, что произошло с ней. По-моему, она все-таки чуточку тронулась умом, пока ее лечили. А во-вторых, мне просто стало скучно. И мечтать стало не о чем.

И не то, чтобы у меня все было плохо – наоборот, все было прекрасно. Замечательные родители, интересная работа, достойная зарплата, отдельная квартира и хорошие друзья. Но хотелось чего-то другого. Например, совершить какой-нибудь подвиг. Или стать знаменитым. Но случая не представлялось, и я стал топить свое душевное беспокойство в алкоголе. А потом и в легких наркотиках.

И именно тогда мне захотелось свалить. Один раз и навсегда. Я даже знал, куда. Обычные люди называют это странным словосочетанием «тот свет». А на самом деле свет не тот и не этот. И вообще не свет. Просто, когда клетки твоего организма перестают самообновляться, то есть умирают, те пока еще живые люди, в ком по отношению к тебе происходил слабо изученный психобиологический процесс под названием любовь, заколачивают тебя в деревянный ящик и закапывают в землю. А через какое-то время ты превращаешься в высококалорийный органический перегной, создавая благоприятные условия для развития флоры. Хоть какая-то от тебя польза наконец-то.

Но свалить туда я не мог. Я не боялся самого факта смерти. Я боялся всего того, что приводит к ней. А еще мне было слишком интересно знать, что же будет завтра.

И вот, наконец, мне повезло. В очередной раз, напоровшись до одури и разбавив все это какой-то дрянью, я очутился на больничной койке. У меня отказали почки. Мои родители выложили невообразимую кучу денег за отдельную одноместную палату в лучшей больнице города и хитрый электронный аппарат, поддерживающий мою жизнеспособность.

Первым меня навестил мой однокурсник Андрюха.

– Привет, хмырь! Как чувствуешь себя?

– Сам как думаешь? – ответил я.

– Ну, в смысле есть какие-нибудь перспективы улучшения? – смутившись, продолжил он, – Болят почки или что?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами я, – Меня вон все колют чего-то, чтобы не болело.

– Скучно тебе здесь?

Зря он это сказал. Он явно не понимал, что его ждет примерно то же самое, только не сейчас, а через много лет. А сейчас его жизнь – суть та же, форма другая. Все будет так же уныло и одинаково. Квартира-работа, по пятницам роллы с одними и теми же знакомыми, на выходных поход по магазинам. Только вот мне уже удалось форсировать переход от этой монотонности к следующей – больничной койке.

– Неа, очень даже весело. Телик, кроссворды – все есть. Такая же интересная насыщенная жизнь, как и у тебя, только теперь на пятьдесят лет старше.

– Знаешь, я ничего тебе не принес, – пропустив мои слова мимо ушей, произнес он, – Не знал, что тебе можно, а чего нельзя. Что тебе принести в следующий раз?

Презрительная ухмылка перекосила мне губы.

– А принеси мне, дружище, пивка!

Андрюха невесело усмехнулся, приняв мою реплику за глупую шутку.

А я не шутил.

После его ухода в палату пришел мой лечащий врач – серьезный мужик лет сорока. Похозяйски подвинул себе табурет.

– Ну что. Почки ты себе, конечно, посадил капитально. Но еще не все потеряно. Есть выход – пересадить тебе донорскую почку. Такая операция, само собой, стоит денег, но твои родители готовы оплатить ее. Осталось лишь получить твое согласие на трансплантацию.

– А если я не соглашусь?

Врач посмотрел на меня как на идеальное дебильное существо, которое достигло своего совершенства в процессе эволюции.

– Ты что, не понимаешь? Хочешь быть пожизненно привязанным к этому пылесосу? – он кивнул на аппарат, – Или вообще не хочешь жить?

– Не хочу, – спокойно кивнул я.

Минуту он молчал. Потом резко встал и повернулся двери.

– Тебя надо было сначала в психиатрию, а потом только в хирургию, – сердито бросил он на прощание и хлопнул дверью. Я вздохнул и закрыл глаза.

– Скажите, а где лежит Терехин? Ну, который с почками? – резанул мне слух знакомый женский голос за дверью. У меня остановилось дыхание.

– Здесь! – раздраженно ответил голос врача.

Открылась дверь, и на пороге возникла моя родная Аленка. Я слишком давно ее не видел. И не знал, хочу ли видеть.

Она неслышными шагами подошла к моей койке и осторожно села на табурет. А я? Я просто уставился в потолок. Я не хотел повернуть голову и посмотреть ей в глаза. Боялся снова увидеть в них ту бездонную пустоту, навсегда поселившуюся там после ее лечения в «психушке». Или еще хуже – сострадание и жалость ко мне. Она никогда раньше не унижала меня жалостью. Но кто знает, как теперь? А может, мне просто стыдно смотреть ей в глаза. Потому что мы прыгали в высоту еще совсем недавно. Только вот ее сломали, а я сломался сам.

– Как ты? – едва слышно спросила она. Что я должен ей ответить на этот вопрос?

– Я не знаю, – после долгого молчания произнес я, – Хорошо.

– Это плохо, – печально сказала она.

– Почему?

– Потому что когда тебе было не очень хорошо, тебе постоянно хотелось что-то менять. А теперь, раз ты говоришь, что тебе хорошо, значит, тебя все устраивает. Поэтому ты сейчас лежишь вместо того, чтобы прыгать.

– А ты? Ты сама? Разве не ты сдалась первой? Это ведь не я перепыхал себе вены! – я задохнулся от возмущения.

– Да, не ты. Ты просто выбрал другой способ, не надо огрызаться. Раньше за тобой этого не водилось, – тихо отвечала Аленка, – Если я один раз попыталась прыгнуть в длину, это вовсе не значит, что ты тоже должен повторить за мной.

– Тебе не кажется, что уж слишком далеко ты прыгнула? – язвительно спросил я.

– Согласна, – Аленка встала и подошла к окну. Я понимал: все, что сейчас было сказано, было правильным и одновременно неправильным. Разве так встречаются близкие душой люди? Но ничего я поделать с собой не мог, где-то в глубине я понимал, что именно этот ее длинный прыжок на дистанции порвал мою тонкую, но вроде бы прочную струну.

– А знаешь, – сказала Аленка после долгого молчания, – Ты прав... Вот только я поправлю тебя. Она снова вернулась на стул возле больничной койки, рассматривая цифры на аппарате возле стены, – Вот ты сейчас видишь во мне пустоту, но это неправда. Это не пустота – это стыд. Мне безумно стыдно до сих пор смотреть людям в глаза и отвечать улыбкой, потому что я была целой, а потом словно пропустила себя через терку. Может быть, мне и не удастся собрать себя снова, но я не жалею. Видимо, так было нужно. Я давно перестала себя упрекать, но стыд остался. Я никому ничего не доказала, в первую очередь себе самой... А ты, Терехин, для того чтобы прыгнуть в длину вырыл еще себе и яму для приземления, ты кому-то тоже что-то доказать хочешь? – твердым голосом спросила Аленка.

Я потерялся. Она удивила меня своей прямоотой. После выписки из больницы она поставила неписаное табу на эту тему, и я не пытался его нарушить раньше.

– Кому? – внезапно для себя спросил я, не подумав над вопросом.

Аленка решила, что я начинаю снова язвить, встала, отодвинула стул, и направилась к двери.

– И все? – снова спросил я, – Ты уходишь?

Аленка повернулась и внимательно на меня посмотрела:

– Нет, Терехин, я не просто ухожу... Я не хочу тебе мешать в твоем новом виде спорта, тренер из меня плохой. Мне жаль только, что ты либо вылетишь из плей-офф, либо получишь свою первую и последнюю золотую медаль. Третьего здесь, увы, не дано. Впрочем, могу сделать тебе подарок на прощание, хочешь?

– Хочу. А какой?

– Медаль! – она резко вскочила, и замахнулась на аппарат табуреткой, на которой только что сидела. Я рванул к ней, насколько позволили мне прикрепленные к моему телу трубки и провода аппарата, и едва успел перехватить ее руку.

– Ты чего, одурела?!

– Вот все и встало на свои места, – бросила она мне через плечо, как плевков, и вышла из палаты, пнув напоследок табурет.

Дверь бесшумно закрылась, я остался в тишине, иногда нарушаемой музыкой моего «пылесоса». В голове мелькал образ Аленки, той Аленки, до прыжка. Я тщетно отмахивался от всех видений, пытаюсь окунуться в пустоту и белизну больничной палаты.

Под вечер пришли родители, нянчились со мной пару часов, болтая о соседях, новой теплице и погоде. Никто не поднимал вопрос о трансплантации, будто я здесь лежу ввиду вырезанного аппендицита. Мне хотелось высказаться, крикнуть, но, как только я открывал рот, кто-нибудь обязательно заводил новую тему для разговора, и мне оставалось только молчать и кивать головой. А, может, и к лучшему...

Уходя, мама обернулась вдруг и сказала, как о чем-то неважном:

– Твой врач сказал: завтра утром операция по пересадке. Не волнуйся, мы придем пораньше, к восьми.

– Хорошо, мам, – чуть улыбнувшись, кивнул я.

... Меня разбудил мобильник. Он нервно дрожал на краю старого письменного стола, раскачиваясь в разные стороны. «Кому понадобилось звонить в такую рань?» Я еще больше закутался в одеяло с рисованными машинками «Формулы-1». От постельного белья пахло уютом и детством, мама с трепетом хранила все мои детские вещи. Не открывая глаза, я нащупал телефон и положил его сверху на ухо.

– Терехин? – голос босса был резким и озабоченным, собственно, как всегда, – Выписался? – бесцеремонно спросил он. Ни «здрасьте», ни «до свидания».

– Доброе утро, Вадим Георгиевич, – ответил я.

– Значит так, Терехин, жду тебя в понедельник, у нас все синим пламенем горит. Хорошо там разлеживаться, не маленький. У меня вся надежда только на тебя, – более мягко сказал он, – И, по возможности, все-таки жду тебя с утра, а не после обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.